

Ф. Н. КОЗЫРЕВ

Распутин, которого мы потеряли¹

ГЛАВА 3 ***В потомках***

Не говорите — «То былое,
То старина, то грех отцов»,
А наше племя молодое
Не знает старых тех грехов.
Нет, этот грех — он вечно с вами,
Он в ваших жилах и в крови,
Он сросся с вашими сердцами,
Сердцами, мертвыми к любви...

А. С. Хомяков

Мы или те из нас, кто с почтением относится к Григорию Ефимовичу Распутину, привыкли видеть в нем прежде всего пророка русского апокалипсиса, русского Иеремию, возвышающегося, подобно этому великому пророку Иудеи, «скорбным силуэтом» (выражение прот. А. Меня) у смертного одра нашего священного царства. Действительно, из всех древних пророков Распутин напоминает более всего именно Иеремию, и не только исторической обстановкой своего появления, но и трагической личной судьбой: их обоих презирали за провинциальность и незнатность происхождения, их обоих считали лжепророками, они оба вступили в острый конфликт с общественным мнением, знатью и духовенством, и их обоих обвинили в измене родине, когда они, прозревая грядущую катастрофу, пытались удержать власть от необдуманных военных действий. Учитывая ту важность, которую придает идее самодержавия русское религиозное самосознание, не покажется натяжкой и сопоставление Распутина с Иоанном Предтечей, проповедовавшим о секире, лежащей при корне дерев, и предупредившим Помазанника не только в Его явлении, но и в казни. Прежде, чем русский народ позволил убить своего Христа, помазанника Божия Николая, русская знать убила благословившего его пророка,

¹ Печатается в сокращении по: *Козырев Ф. Н.* Распутин, которого мы потеряли. СПб., 2001.

точно так же, как знать иудейская казнила Крестителя Божьего незадолго перед тем, как народ иудейский отдал на распятие своего Царя.

Еще одно напрашивающееся сопоставление — из Апокалипсиса Иоанна. Там говорится о двух свидетелях Божьих, двух «свечильниках» и «маслинах», посланных для пророчества в святой город перед последней, седьмой трубой (Откр. 11). «И когда кончат они свидетельство свое, зверь, выходящий из бездны, сразится с ними, и победит их, и убьет их, и трупы их оставит на улице великого города, который духовно называется Содом и Египет... И живущие на земле будут радоваться сему и веселиться, и пошлют дары друг другу, потому что два пророка сии мучили живущих на земле». Если относиться к Апокалипсису правильно, т.е. как к описанию событий не только грядущих (к каковым без сомнения можно отнести только конечное преображение мира и воцарение в нем Христа), но и постоянно совершающихся в истории, образ двух пророков, появляющихся в городе накануне падения царства, трудно в перспективе русской трагедии отнести к кому-то иному, кроме как к паре могучих чудотворцев и проповедников грядущей катастрофы, почти одновременно появившихся в граде святого Петра — к Иоанну Кронштадтскому и Григорию Распутину.

Если же мы от образов библейских обратимся к образам мифологическим (слово *миф*, похоже, неотступно будет следовать за Распутиным до скончания века), то ближе всех к истине, на мой взгляд, был В. Розанов, назвавший в одном из писем к Голлербаху Распутина *Аписом*. Этот солнечный бог плодородия в облике быка отвечал за преуспеяние Египта, и смерть его грозила страшным несчастьем народу. Половая сила Аписа для Египтян была символом не похоти, а плодородия — в первую очередь знаменитых египетских нив. Будь у петербургского салонного общества хоть крупица египетской проницательности, оно смогло бы увидеть в Распутине не похотливого мужика, а живой символ плодородящего и кормящего это общество русского крестьянства, наделенного великой силою от земли и великими духовными дарами от Бога. Убийство Распутина было ритуальным закланием Аписа, и оттого зловещая «Юсуповская ночь» будет заворачивать поколение за поколением русских людей, чахнувшего в бесплодии некогда могучего племени. И оттого убийцы Распутина и его ненавистники будут писать и писать об этой ночи и вглядываться в нее, доказывая тем — более всяких защитительных слов — великую духовную значимость этой смерти для судеб России.

Человек, сделавший, по мирским меркам, головокружительную карьеру и в этом смысле ставший воплощением сбывшейся американской мечты, Распутин остался для нас навсегда еще и воплощением несбыточной русской мечты — мечты о единении царя и народа. Все это так,

и теперь, по прошествии целого века, возвращаясь мыслию к картине страшной и святой кончины мученика Григория, представляя, как этот истерзанный, умерщвленный неоднократно разными способами могучий человек, очнувшись в темной и холодной невской воде, пытался ободрать об лед стянувшие его руки путы, вспоминая этого мужа, прошедшего все вершины славы и всю глубину унижения, самый прах которого был развеян по ветру, а имя предано неслыханному на земле поруганию, можно только дивиться тому, сколь многозначительным знамением будущих ужасов была эта смерть, и — молиться о том, чтобы знамение это относилось только к пережитым уже нами бедствиям, а не несло в себе пророчество о конечных судьбах России.

Именно в это время в далекой Португалии Божия Матерь, являвшаяся трем маленьким детям, просила их передать всем верующим, чтобы они молились за Россию, в которой решается судьба мира... Что с нами случилось затем, мы до сих пор не знаем. Но это случившееся заставляет нас, и так грешащих, по европейским меркам, чрезмерной серьезностью, еще серьезней относиться к своей истории, подозревая, что она стала уже частью не общемировой или общеевропейской, а более важной для человечества — Священной истории.

Не нам ли суждено изжить
Последние судьбы Европы,
Чтобы собой предотвратить
Ее погибельные тропы.
.....
Тончайшей изо всех зараз,
Мечтой врачует мир Россия —
Ты, погибавшая не раз
И воскресавшая стихия.
Как некогда святой Франциск
Видал: разверзся солнца диск
И пясти рук и ног Распятый
Ему лучом пронзил трикраты —
Так ты в молитвах приняла
Чужих страстей, чужого зла
Кровоточащие стигматы.

М. Волошин. Русская революция

Несчастливая г-жа Миллер, возгоревшаяся желанием открыть нам глаза на аморальный облик Распутина, не смогла понять, что отношение к нему, как и отношение к русской истории, определяется не тем, знаем ли мы или нет о его или ее грехах, а тем, способны мы или нет прозревать в их судьбе другой, более важный план. Конечно, всю историю русской

смуты можно объяснить ленью, дикостью, неразумностью, пьянностью и сонностью России, расправу над миллионами жертв — возмездием за их собственные грехи, но при этом все же что-то ускользает от объяснения... Когда заговорщики умертвили Распутина, они застрелили собаку, и проволокли ее по тому месту, где была кровь убиенного пророка, чтобы скрыть следы. Нечто очень похожее уже совершалось в истории другого народа. Братья Иосифа, например, обмазали его одежду кровью убитого козленка, и принесли отцу, сказав, что он растерзан зверем. У них потом появился козел отпущения, а закон стал говорить о том, что, мол, проклят всякий висящий на древе... У нас прижилось другое: собаке собачья смерть. Сколько миллионов раз прозвучат эти слова над телами новомучеников российских, кто сосчитает? Будет расстреляна царская семья. Будет убита главная противница Распутина св. муч. Елизавета Федоровна, приветствовавшая в свое время убийство этого человека, за всю свою жизнь не тронувшего и мухи, как «патриотический акт». По непостижимому стечению обстоятельств епископ Гермоген (как известно из последних писем Императрицы, раскаявшийся в своих выступлениях против Распутина) будет зверски замучен обезумевшими от злобы матросами, как раз когда они будут проплывать мимо села Петровского, того самого места, где родился и где был ранен ножом проклятый этим епископом Григорий Распутин. Кровь палачей и мучеников, кровь возмездия и искупления смешается в едином потоке, так что только Богу возможно будет отделить одно от другого, но силой распутинского предсказания кровь той собаки, кровь «собаки» Распутина станет той отправной точкой, с которой покатится кровавое колесо по просторам России.

Но кроме Распутина, предсказавшего гибель державы, того мрачного, затравленного, лишившегося былого влияния и благодатной силы «позднего» Распутина, твердившего, по словам очевидцев, непрестанно только одно: что он не знает про себя, кто он такой, но знает точно, что если его убьют, то и России конец, был еще и «ранний» Распутин — *захожий богомолец*, любующийся красотой русской земли и благословляющий эту землю. И про этого Распутина мы часто забываем, как забываем и о том, какими мечтами и какими надеждами жила наша еще не подкошенная болезнью Россия.

Весь смысл учения Распутина укладывается в одной короткой фразе: любовь к природе. Он был не только *опытным*, но еще и *очарованным* странником, скитающимся не только в поисках правды, но и красоты — *дивясь венным природы красотам*, как определил этот идеал скитаний Пушкин. И вынес он из этих скитаний глубокое, опытное убеждение в том, что внимать Богу можно и не отвергаясь природы, что преодоление внутреннего разлада человека с самим собой достижимо не на путях

умерщвления плоти и отсечения себя от внешней природы, к чему стремились всегда спиритуалисты различных мастей, начиная от манихеев, а на путях приобщения, приучения своей природы к божественной любви и к собиранию этой любви, разлитой в богозданном мире. Природа и Бог у Распутина рядом: «Ни о чем более не утешайтесь кроме церкви и природы» (О[лег] П[латонов] [«Жизнь за Царя»], с. 524), и с этим впрямую связано его тоже опытное убеждение в том, что жестким аскетизмом человек не самых выдающихся способностей не в состоянии улучшить своей природы. «Не нужно спасаться силой, нужно умеренно, вот будет приятно у Бога» (там же). «Нужно брать пример самый легкий, с животных, с лошадей. Посмотри: если на сытой лошади поедешь, она не убьет; на голодной — устанет; держись середины, тоща не убьет, не пристанет, а как раз добежит до станка. Так и молиться надо не много, а думать побольше» (О[лег] П[латонов] [«Жизнь за Царя»], с. 456). Этот щадящий режим аскетики, вытекающий из доверчивого отношения к естеству, Распутин прописывал и в отношении блудной страсти. Изведав на опыте, что вериги, поклоны и прочие подобные упражнения только усиливают появление «помыслов», Григорий, переживший в свое время, по его собственному признанию, записанному со слов дочери, намерение оскотиться, отверг его и избрал другую тактику борьбы — не штурм, а осаду, тактику постепенного отвыкания от страсти. У той же Марии Распутиной находим фрагмент спора Распутина по этому поводу с монахом Илиодором (Сергеем) Труфановым. Илиодор был за беспощадное обуздание плоти, и предписывал для этой цели молитву. «Как же молиться, если с ног валит? — возражал ему Распутин. — Есть только одно средство. Отложи в сторону молитвы и найди женщину. Потом — опять молись. Бог не осудит. Но наступит время, когда женщина уже не понадобится, когда и самой мысли не будет, а стало быть, и искушения. Тогда-то настоящая молитва и начнется» («Воспоминания» [Матрёна Распутина. «Распутин. Почему? Воспоминания дочери»], с. 182). В этом «призыве к блуду», как легко расценить совет Распутина, по сути буквально повторяется совет апостола Павла вступать в брак, «дабы не разжигаться» (1 Кор. 7, 9). Распутин не уточняет, имеет ли он в виду брак или внебрачные связи, но мы знаем, что сам он очень рано женился и прожил в браке все годы своей бурной молодости, по-видимому будучи верен жене, и прервал свои брачные с ней отношения только после ее тяжелой болезни, не позволявшей более физической близости с ней. В отношении брачных устоев он, похоже, придерживался довольно традиционных взглядов и высказывал некоторые суждения по этому предмету хотя и оригинальные, но здравые и вполне совместимые с духом Евангелия. Вот одно из них: «Кто разводится для удовольствия, тот прелюбодействует, или женится

для выгоды — это тоже Спасительское слово и сбудется на них, и Он на них взглянет строгими очами, а кто женится на разведенной нужды ради, для правления своего дома или маленьких детей, этот наследует рай Божество и Бог не откажет рая Божества» (О. П., с. 521).

Действительно, нетрадиционным в проповеди Распутина было то, что он тщательно избегал патетического обличения блудников и прелюбодеев, коим славятся наши церковные учителя. В этом смысле его можно считать антиподом того типа проповедничества и учительства, ярчайшим представителем которого был протопоп Аввакум, начавший свою пастырскую деятельность с твердого решения выжечь каленым железом «бабий блуд». Это попустительство Распутина человеческим слабостям дорого стоило его положению в церковной среде, но оно было, по всей видимости, неотъемлемым компонентом его миссионерства и, несомненно, — плодом глубокого личного убеждения. Совершенно поразительно свидетельство Матрены Распутиной о том, что продолжавшийся всю жизнь конфликт Григория со своим родным отцом и местным священником Покровского отцом Петром начался с того момента, когда Григорий, совсем еще молодым человеком, стал свидетелем публичной порки молодой вдовы, жившей в их селе и не отличавшейся строгим нравом. Его потрясло, что в избиении участвовал его отец, а также те люди, которые еще недавно с удовольствием пользовались услугами своей жертвы («Воспоминания», с. 31–34).

Закидывание блудниц камнями, этот вековечный ритуал нравственного самообеления общества, не одобренный Христом, оставался всю христианскую историю вплоть до революционных изменений в этой сфере, происшедших после Второй мировой войны, излюбленным занятием новозаветных законников. Однако чаемого плода он не принес. Желających блудить не стало меньше. Докидались только до того, что отбили у паствы всякое желание и возможность получить в Церкви ответ на вопрос, чем различаются здоровое половое влечение и блудная страсть, с чем именно надо бороться и в чем же, собственно, заключается греховность блуда. Священник Александр Ельчанинов в своих знаменитых записках вспоминает, как его, молодого духовника, поразило открытие, что почти все его прихожане искренне не считают нарушение седьмой заповеди за какой-то серьезный грех. Отношение к полу вообще стало одной из самых крупных педагогических ошибок исторического христианства. И после всего того, что написал по этому поводу В. Розанов, едва ли есть необходимость останавливаться на обосновании этого положения. Но в его контексте подход Распутина к вопросам пола перестает казаться сумасбродством и обретает совсем не шуточное звучание.

Григорий Распутин верил в то, что человек способен достичь высоких степеней совершенства и не принимая на себя обета безбрачия,

и этой своей верой он открывал путь христианского подвижничества для миллионов женатых мирян, запуганных, а иногда и разочарованных в Церкви стараниями таких монахов, как Илиодор. Мы можем согласиться со словами Марии Распутиной: «Он был новый тип, рожденный самим временем. Новый — это очень важное объяснение... Мой отец, действительно, был старцем, но только старцем, которому не был чужд мир...» Однако *новое* в этом случае было, действительно, хорошо забытым старым. Распутин своим учением отстаивал исконно христианское отношение к мирянам как к полноправным членам Церкви Христовой в борьбе с латинскими представлениями о «Церкви учимой», о «вере угольщика», о спасении за счет «сверхдолжных заслуг святых», делающими из подавляющего большинства церковного общества, из женатых и замужних мирян, христиан второго сорта, совершенно не нуждающихся в личном духовном росте*.

У В. Розанова есть одно дивное воспоминание: «Однажды в дождливый день, летом, верст за 10 за Териоками, вышел я на берег моря; впрочем, не я один, а шла нас целая группа. Проклиная погоду, повертывали мы назад, как вдруг открылось зрелище, и рассмешившее нас, и умилившее. Прямо около воды (моря) стоял уже старый священник, в нанковом подряснике, расставив широко ноги и распустив громадный (дождевой) зонтик. Шел дождь, но он с такой любовью смотрел на гладь моря, рябившего под каплями дождя, что вовсе не замечал так смутившей нас мокроты и грязи. К вечеру мы узнали от познакомившегося с нами, на даче, священника, уже отца 20-летней дочери: “Это — мой тесть. До того любит воду, что не оторвется от ее зрелища. Живет в Вятской губернии, ко мне приехал погостить — и теперь все уходит к морю, просто — смотрит, и ничего больше!” Вот это я и называю “пантеизмом”, не литературным (пошлым), а живым “в костях и плоти”, деятельным, прекрасным вечным. Как молода и древня была душа этого священника на седьмом десятке лет, который торопливо-торопливо стал пред лицом “thalassis” (моря. — Ф. К.); и смотрелись

* И — в борьбе за большее внимание Церкви православной к вопросам духовной жизни в семье, за большой интерес к теме спасения христианина в миру, за большую веру в возможность такого спасения. Превозношение девства над браком, начавшееся в первые века христианства (иеромонах Иларион Алфеев в книге о Григории Богослове подчеркивает, что к IV веку было написано более десятка произведений Отцов Церкви о девстве и ни одного, посвященного спасению в браке), в дальнейшем привело к тому, что семейным людям за неимением лучшего стали предлагать те аскетические рецепты спасения, которые были разработаны для монахов. Возник тезис: «Семья — тоже монастырь», которым представление о своеобразном пути к спасению в браке, о духовной значимости брачной, половой жизни, окончательно затемнялось.

они друг в друга, как любовники, как ангелы (= добрые существа): ибо верно, что и море смотрело на него и показывало ему красоту свою, ему — такому тонкому ценителю!!» («В мире неясного и нерешенного»). Вот этот «пантеизм», а точнее, то, что позже В. В. Зеньковский назовет светлым космизмом, софийным восприятием мира, составляет одну из самых драгоценных черт православия. Зеньковский считал, что, «если бы философии Православия удалось с предельной ясностью раскрыть присущее ему софийное понимание мира, убедительно вдвинуть в систему современного мышления это основоположное понятие, — это было бы, по существу, самым лучшим даром, какой могли бы мы принести христианскому Западу» («Преодоление платонизма и проблемы софийности мира»). Последующие десятилетия только усугубили то метание западной цивилизации между акосмизмом с его гнушением миром и натурализмом с его обожествлением природных начал, каковое представляет собой по существу болезненное последствие отсутствия в западном христианстве правильного отношения к тварному миру. Дисгармония в отношениях современного урбанистического общества и природы проявляется не только в отчуждении человека от богозданного мира и самозамыкании его в мире рукотворных вещей и образов, но и в обостренном ностальгировании человека по связи с природой. Отсюда в современном искусстве так странно сочетаются напряженные ожидания каких-то злых выходов от природы (бесконечно варьирующие сюжеты о нашествии насекомых или змей, глобальных катаклизмах или открытии еще неизвестных природных сил) с доходящей до идиотизма деятельностью по защите животных. Прозвучавшая не так давно идея о том, что на горилл необходимо распространить билль о правах человека, является не только закономерным следствием хорошо усвоенных уроков фрейдизма, перенесшего мир подсознательного из области религии в биологию, но и своего рода справедливой реакцией на картезианское противопоставление *res cogitans* и *res extensa* — мыслящей и немыслящей (протяженной) субстанции. (Реакция эта тоже имеет свою традицию: вспомним гуигнгнмов и йэху Свифта.) Началось это давно, и к тому времени, когда Декарт обогатил науку принципом рефлекторной дуги, а этику учением о том, что животные являются бездушными автоматами, неспособными воспринимать даже боль, за ним стояла прочная традиция западного христианства. На Западе к тому времени уже стало привычным превозносить ум, презирать чувственность и яростно бороться с попытками одухотворения или одушевления природы. За Декартом стоял суд католических монахов над Григорием Паламой и дым костра, на котором сожгли Джордано Бруно, воспевавшего гимн творческой мощи природы. Суть того научно-

потребительского подхода к природе, который возобладал в западном мире, очень хорошо передал один советский поэт, Юрий Кузнецов в своем стихотворении «Атомная сказка»:

Эту сказку счастливую слышал
Я уже на теперешний лад,
Как Иванушка во поле вышел
И стрелу запустил наугад.

Он пошел в направленье полета
По серебристому следу судьбы.
И попал он к лягушке в болото,
За три моря от отчей избы.

— Пригодится на правое дело! —
Положил он лягушку в платок.
Вскрыл ей белое царское тело
И пустил электрический ток.
В долгих муках она умирала,
В каждой жилке стучали века.
И улыбка познания играла
На счастливом лице дурака.

Здесь корень западного подхода не только к живой природе, но и к космосу вообще. Декарт, рассекший пространство своими координатами, только завершил ту вивисекцию живого космоса, которую уже давно готовили своими дефинициями схоласты и основание которой заложено в представлениях о статичности божественного мира идей и предустановленности космических судеб, идущих от самого Августина.

Восток жил другой интуицией, воспринимающей Божье творение как живой организм, наделенный, несмотря на поразившую его по вине человека болезнь, мощной творческой силой и способностью откликаться на Божий зов, вмещать в себя божественные идеи, расти и развиваться. Нам часто припоминают св. Франциска Ассизского как пример того, что и Западу не совсем было чуждо подобное умонастроение. При этом, однако, совсем не придают почему-то значения одной немаловажной детали: Франциск проповедовал зверям и птицам Евангелие, восточные же святые по большей части просто делились с ними хлебом (св. Сергий Радонежский и медведь) или лечили их (св. Герасим и лев), подозревая, по всей вероятности, что животные, поврежденные в нравственном отношении меньше, чем мы, нуждаются в первую очередь в примитивной помощи и поддержке, а мы — в их доверии и прощении

нас за то, что мы оказались для них плохими богами. Эта сострадательность и уважительность православия к богозданному миру проявилась, кстати, в истории не только и не столько в отношении православных к животным, но прежде всего — в их подходе к обращению в христианство «малоразвитых» народов — см. об этом, к примеру, книгу «Православная миссия сегодня». Но, конечно, самым прямым и непосредственным образом она выразилась в готовности и способности благодатного воздействия многих наших православных подвижников на животную природу зверя и человека. Одним из них был Распутин. Смутные и разрозненные сообщения о юности Григория Ефимовича дают все же возможность наметить путь, которым шло созревание в нем тех духовных даров, что позже выразилось в целительстве и умении изгонять из человека мучающие его страсти. Он начинал с животных. Почти все, кто писал о его жизни в Покровском, отмечают, что он очень любил лошадей, подолгу беседовал с ними и лечил их. Говорят и о том, что он много времени проводил наедине с природой, о чем он не раз свидетельствует и сам в своих произведениях.

Замечательное воспоминание уже из «петербургского» периода жизни Распутина оставил Г. П. Сазонов: «Когда мы жили на даче, дети видели его в лесу, погруженного в молитву... Соседка генеральша, которая без отвращения не могла слышать его имя, не поленилась пойти за ребятишками в лес, и действительно, хотя прошел час, она увидела Распутина, погруженного в молитву» (Э[двард]. Р[адзинский], [«Распутин: жизнь и смерть»] с. 120).

А князь Жевахов вспоминает произведшую на него неизгладимое впечатление проповедь Распутина, в которой звучал все тот же мотив благотворности единения человека с природой. «Как начать богоугодную жизнь обычному оскотинившемуся человеку с его звериными привычками? Как вылезти из ямы греховной?.. Как найти ту тропинку, которая ведет из нашей клоаки на чистый воздух, на Божий свет?.. Такая тропинка есть... После службы церковной, помолясь Богу, выйди в воскресный или праздничный день за город, в чистое поле.

И иди, иди, пока не увидишь позади себя черную тучу от фабричных труб, висящую над Петербургом, а впереди синеву горизонта. Стань тогда и помысли о себе...» (Э. Р., с. 256).

С этой чрезвычайно характерной именно для православного духовного опыта любовью к природе прямо связана еще одна черта духовного облика Распутина, вызывающая почему-то особое негодование его противников. Я имею в виду известное и давшее почву для множества кривотолков женолюбие старца. Очень странно, что в этой совершенно здоровой склонности г-жа Миллер видит признак обуянности

Распутина демоническими силами, в то же время нимало не смущаясь наличием у некоторых расхваливаемых ею убийц Распутина противоположной и действительно богопротивной склонности к лицам своего пола. Не смущает ее почему-то и то, что другая противоположность распутинской склонности, гораздо более распространенная у подвизающихся в духовной жизни, а именно женоненавистничество, — влечет за собой более тяжелые общественные последствия. На самом деле, я не очень верю, что у большинства женщин монахов, не всегда успешно борющихся с блудными помыслами, вызывает большую неприязнь, чем монах, бесстрастно сжигающий блудниц. Конечно, можно ссылаться на то, что и то и другое плохо и должно быть что-то среднее. Теоретически это верно, но практически все же мало кому в духовной жизни удается оказаться на вершине, и он проводит большинство своей жизни на одном из указанных склонов, поднимаясь или срываясь вниз. Вне зависимости от того, на какой высоте находился Распутин, он был на стороне тех из святых Отцов, кто видел наибольшую опасность для Церкви в порицании физической составляющей брака.

Вопрос о возможности брачной жизни для духовенства, так по-разному решенный на Западе и на Востоке, был поднят еще на Никейском соборе, и с тех пор православие с большей или меньшей ревностью, но все же последовательно хранило завет великого чудотворца и исповедника св. Пафнутия, яростно вставшего на Соборе в защиту брака и пристыдившего молодых сторонников целибата за гнушение плотью. Разделение между двумя Церквями по вопросу о целибате, конечно же, не случайно и отражает более глубокое различие в отношении к тварному миру, отмеченное выше. Эротизм православия прямо связан с его космизмом, вот почему в трудах русских религиозных мыслителей тема половой любви занимала такое важное место. Тема эта слишком велика и слишком, увы, злободневна, чтобы говорить о ней вскользь. Заметим лишь, что нет области мысли, в которой западная рационалистическая философия и моралистическая теология проявила бы в такой степени свою ущербность, как тема любви и брака. Дурацкая шутка Канта о том, что брак — это передача супругами половых органов во взаимное пользование, дикая, но чрезвычайно популярная в последние два века идея о том, что под грехопадением следует разуметь вступление прародителей в половую связь, — все это закономерные плоды того нездорового направления, которое приобрело отношение к браку с тех самых пор, когда в западной Церкви утвердилось мнение, будто целью брака является не радость и полнота жизни, а юридически узаконенное продолжение рода. А произошло это очень рано. Еще ап. Павел, как мы уже говорили, предлагал вступать в брак, дабы «не разжигаться», но уже век спустя

в трудах апологетов все настойчивее высказывается мысль, что половая связь допустима только в целях деторождения. «Христиане вступают в брак не ради плотской похоти, но для того, чтобы рождать детей», — заявляет Иустин Философ, и аналогичные заявления можно встретить у Афинагора, Климента Александрийского, Тертуллиана. Почему в христианстве так прижилась эта совершенно чуждая библейскому и евангельскому духу тенденция суживать смысл половой любви до задач продолжения рода — отдельный вопрос, но если восточная традиция все же подспудно хранила апостольский взгляд на брак как на путь совместного спасения, то на Западе благодаря непререкаемому авторитету Августина после осуждения пелагиан возобладало вышеозначенное пренебрежительно-утилитарное отношение к браку. Так что Н. Бердяев, высказывая довольно неожиданное, но справедливое суждение, что «В. Соловьев — первый христианский мыслитель, по-настоящему признававший личный, а не родовой смысл любви между мужчиной и женщиной», вынужден был заодно заметить, что «то, что писал об этом блаж. Августин, напоминает трактат по скотоводству» («Русская идея»). Как указывал П. Флоренский, самое высокое, до чего смогла дорасти западнохристианская мысль за полтора тысячелетия, — это многократно перефразированное впоследствии определение Лейбница: любовь — это наслаждение счастьем другого. Однако от этого психологического понимания любви еще очень далеко до той онтологической и мистической глубины, которую обрело древнее учение Платона об Эросе как искре Божества в человеке в трудах некоторых восточных философов, добивавшихся реабилитации древне-библейского символического восприятия пола: ареопагитиков, Максима Исповедника, русских мыслителей Серебряного века.

На Западе противоядие августиновскому отношению к полу было найдено неотомистами в холистической антропологии Фомы Аквинского, в частности, в его представлениях о том, что истинная добродетель коренится в чувственности, или страстности человеческой природы. Вынужденная добродетель, исходящая от велений ума и воли и не находящая отзыва в чувственной сфере в виде удовольствий, способна, по его мнению, только внести дисгармонию в человеческую жизнь и породить уныние. Аквинат не отрицал того, что основным нравственным актом является выбор, за который ответственны разум и свободная воля, но сам выбор определял как проявление «аппетита ума». Эти положения, вызвавшие очень жесткое сопротивление при его жизни, были надолго преданы забвению и «прочитаны заново» только спустя семь столетий, в середине XX века.

Учение о любви как милосердии и сострадании, учение, помещающее любовь в область этики и отказывающее стихии пола в бого-

словском осмыслении и приятии, естественным образом выродилось в лицемерную филантропию и породило мощнейшее антиклерикальное движение за свободу любви, став одним из сильнейших факторов секуляризации европейского общества. Обо всем, что случилось с христианством в XX веке, предупреждали русские православные философы: и В. Розанов, с необычайной смелостью выдвинувший свой тезис о том, что «связь “пола” с Богом — бóльшая, чем связь ума с Богом, даже чем связь совести с Богом» («Уединенное»), и Н. Бердяев, напомнивший, что «христианская любовь не есть альтруизм, выдуманный в XIX веке», что «Христов Эрос есть положительное мистическое влечение, мистическая влюбленность, мистическое радование» и что «буддийское и пессимистическое учение о любви как о сострадании и жалости, в сущности, связано с атеизмом, с неверием в радостный смысл мира» («Метафизика пола и любви»). Удивительно, но именно об этом говорил и Распутин, без сомнения не читавший Бердяева: «По поводу жалости — это прямое естество. Да, — и это жалость. Пожалей и это жалость. А любовь — это такая златница, что ей никто не может цены описать... Вообще любовь живет в изгнанниках которые пережили все, всяческое, а жалость есть у всех» (О. П., с. 459). Показательна и перекличка мыслей Распутина с Розановым в излюбленной теме последнего, касающейся творческой силы пола. После посещения воспитательного дома для незаконнорожденных детей Г. Распутин записал: «Эти дети — буйство неукротимой плоти, от греха; от того, что мы зовем грехом и что все боятся. Да, грех! А Господь милостив! Жаль, что здесь, далеко от своего дома, остаются плоды любви и темного буйства, лучшая, крепкая завязь населения... Великую жатву любви нельзя собирать в далекие житницы. Из-за этого пропадает множество всходов, гибнут души, которые сохранились бы на украшенные потомства. Подумать, самые здоровые дети рождаются от скрытой любви и потому сильной. Открытое — обыкновенно. Открытое чувствуешь нехотя, рождаешь слабо» (О. П., с. 368–370). Конечно, эти мысли не новы. Еще, говорят, Петр Великий издал указ записывать незаконнорожденных детей в художники, рассчитывая на их природную одаренность. Несомненно, Распутин в указанном отрывке выражает и обычное простонародное представление, склонное преувеличивать зависимость индивидуальных особенностей человека или животной особи от условий внутриутробного развития и зачатия — представление, уходящее корнями в глубокую древность (вспомним хотя бы историю с пестрым скотом Иакова — Быт. 30, 35–43). Но так же несомненно, что человек, обладавший таким пытливым умом и такой независимостью, как Распутин, мог сформировать свое собственное отношение к такой важнейшей проблеме, как проблема

пола, только на основании личного духовного опыта или по крайней мере — личных убеждений. Свидетельства о том, что у Распутина был свой неформальный взгляд на эту проблему, рассыпаны по крупичкам в произведениях старца. Но есть и прямые доказательства тому, что в основании женолюбия и эротичности Распутина лежал личный духовный опыт, пережитый им, что его несколько необычное для аскетов отношение к полу имело божественную санкцию.

В деле о принадлежности к секте хлыстов имеются весьма интересные показания некоей просфорни Евдокии Корнеевой, останавливавшейся в доме Распутина в Покровском: Григорий Ефимович «несколько раз прибегал с пашни проведать дом, уговаривал свидетельницу поцеловать его, говоря, что у них существуют духовные лобзания, подобно тому, как апостол Павел целовал Святую Феклу. Свидетельница отговаривалась неприличием. Вечером он повел ее смотреть моленную под полом конюшни, а когда они вышли оттуда, Распутин схватил свидетельницу за голову и поцеловал в щеку, внушая после этого, что в целованиях нет никакого греха, так как ему раз во время сношения с женой являлась Троица во свете» (О. П., с. 71).

Бог с человеком не только в страдании, но и в любви. Бог любит мир, и мир, напоенный божественным Эросом, открывает эту тайну человеку через природу, через плотскую любовь. Возможно, оригинальность «распутинской» сотериологии вся связана именно с этим откровением, а «новизна» и кажущаяся неправославность его идей — с тем, что слишком мало оказывалось в нашей истории таких смелых людей, которые бы не только внутренне приняли подобный религиозный опыт, но и засвидетельствовали бы открыто вытекающий из этого опыта взгляд на проблему пола. С ханжами бороться страшно. Когда В. Розанов, наконец не выдержав, сгоряча прокричал на всю Россию о том, что все эти монашеские рассказы о скверне и низости плотских отношений и о том, что половое соитие вызывает чувство мучительного стыда у супругов, — просто вздор не совсем здоровых людей, значительная часть общества была готова объявить его сумасшедшим, как в свое время Чаадаева, а часть иерархии подняла вопрос об отлучении его от Церкви. А высказывания о красоте женского тела другого современника Григория Распутина, одного из самых близких ему по духу людей того времени, собственно и введшего его в круг петербургского духовенства — отца Иоанна Кронштадтского, — до сих пор вызывают возмущение наших ревнителей веры и благочестия. Вот цитата из книги О. Соловьева и Е. Шишимарова «Православный брак и страсть блуда» (М., 1996): «Мне, как православному человеку, неприятно критиковать православного святого, известного своей прозорливостью и чудесами. Но что делать, если его высказывания стали

поводом для порнографов к оправданию их деятельности». Вслед за этим признанием автор книги заявляет, что о. Иоанн не прав, отказываясь возмущаться видом голых женщин, и истинно православный подход к обнаженному женскому телу состоит не в том, чтобы «славить Творца при виде этой чудной красоты», а в том, чтобы концентрировать свою мысль на порочности души запечатленной на фотографии женщины и думать о грязных выделениях ее тела.

Кстати говоря, св. праведный Иоанн Кронштадтский, первый канонизованный русской Церковью женатый священнослужитель (факт знаменательный вне зависимости от характера его брака), готовился, по всей видимости, клеветниками православия на роль Распутина. Достаточно вспомнить Пикуля или шумиху, поднятую по поводу сексуальной одержимости *иоанниток* еще при жизни святого. Но Церковь его отстояла. Распутина не отстояла. Может быть, потому что он был мирянин и нападки на него менее болезненно затрагивали Церковь, может быть из-за того, что он был более грешен и по тем же причинам, по которым политическая партия отмежевывается от скомпрометировавшего себя члена — чтобы пятно не пало на всех. Но в любом случае — это был здравый расчет и оправданная жертва. «Лучше нам, чтобы один человек умер за людей, нежели чтобы весь народ погиб», — как разумно в свое время рассудили члены синедриона, отдавая на казнь одного возмущавшего общественное спокойствие Человека (Ин. 11, 50). Но что же мы имеем на сегодняшний день? Неправдоподобные предсказания Распутина о гибели царской России, о горах трупов, покрывших русскую землю, в точности сбылись. Аристократы, не внявшие призывам Распутина перестать презрительно относиться к народу и своей стране, были частью истреблены, а сохранившие жизнь сами превратились в презренных отщепенцев в своей стране или в изгоев. Эстеты и моралисты, не способные выносить грубых плясок Распутина и его вольности в обхождении с дамами, вынуждены смириться с тем, что их дети увлекаются и будут далее увлекаться гораздо менее эстетичными плясками и гораздо более вольным отношением к полу. А духовенство, подозревавшее Распутина в хлыстовстве, будет через семьдесят лет собирать свою рассеявшуюся паству и старательно объяснять ей, чем христианство отличается от буддизма и ленинизма. Конечно, все это произошло не только и не столько потому, что убили Распутина. Но возникает закономерный вопрос: а что, если вправду Григорий Распутин-Новый был Божьим человеком, способным не только более других прозревать новые духовные опасности, грозящие христианскому миру, но и знать выход из того глубокого духовного кризиса, который охватил этот мир и следствием которого стала и русская революция,

и массовый атеизм, и огрубление нравов? Что, если мы *проглядели* своего пророка? Историю не повернуть вспять, но на ее уроках можно учиться. Какие же уроки извлекло русское общество из жизни и смерти Распутина? Вместо ответа я приведу отрывок из книги одного из самых читаемых в нашей стране авторов, человека, на произведениях которого учились отечественной истории целые поколения и миллионные тиражи книг которого намного превысили тиражи всей духовной литературы, вместе взятой, выпускавшейся в нашей стране за годы советской власти. Этот отрывок — монолог В. Пикуля из эпилога его книги «Нечистая сила».

«Кажется, кому же еще, как не мне, автору книги о распутинщине, дано знать о тех причинах, что сделали Распутина влиятельным лицом в империи. Так вот именно я — автор! — затрудняюсь точно ответить на этот коварный вопрос.

Память снова возвращает меня к первым страницам. Распутин пьет водку, скандалит и кочевряжится перед людьми, он похабничает и ворует, но... Согласитесь, что была масса причин для заключения Распутина в тюрьму, но я не вижу причин для выдвигания этой личности на передний план.

Только ограниченный человек может думать, будто Распутин выдвинулся благодаря своей половой потенции. Поверьте мне, что вся мировая история не знает случая, когда человек выдвинулся благодаря этим качествам. <...>

Из истории фаворитизма известно, что, получив от царицы очень много, русские куртизаны умели тратить деньги с пользой не только для себя. Они собирали коллекции картин и минералов, ценные книги и гравюры, вступали в переписку с Вольтером и Дидро, выписывали в Петербург иностранных архитекторов и живописцев, оркестры и оперные труппы, они вкладывали деньги в создание лицеев и кадетских корпусов, после них оставались картинные галереи и дворцы с парками, дошедшие до наших дней как ценные памятники русского прошлого.

А что дошло до нас от Распутина?

Грязные анекдоты, пьяная отрыжка и блевотина...

Так я еще раз спрашиваю — где же тут причины, которые могли бы конкретно обосновать его возвышение?

Я не вижу их. Но я... догадываюсь о них!

Мое авторское мнение таково: ни в какие другие времена “фаворит”, подобный Распутину, не мог бы появиться при русском дворе; такого человека не пустила бы на свой порог даже Анна Иоанновна, обожавшая всякие уродства природы. Появление Распутина в начале XX века, в канун революций, на мой взгляд, вполне закономерно и исторически обоснованно, ибо на гноище разложения лучше всего и процветает всякая мерзкая погань.

“Помазанники божьи” деградировали уже настолько, что ненормальное присутствие Распутина при своих “высоконареченных” особах они расценивали как нормальное явление самодержавного быта. Иногда мне кажется, что

Распутин в какой-то степени был для Романовых своеобразным наркотиком. Он стал необходим для Николая II и Александры Федоровны точно так же, как пьянице нужен стакан водки, как наркоману потребно регулярное впрыскивание наркотика под кожу... Тогда они оживают, тогда глаза их снова блестят!

И надо достичь высшей степени разложения, нравственного и физиологического, чтобы считать общение с Распутиным “божьей благодатью”...

Я, наверное, не совсем понимаю причины возвышения Распутина еще и потому, что стараюсь рассуждать здраво. Чтобы понять эти причины, очевидно, надо быть ненормальным. Возможно, что надо даже свихнуться до того состояния, в каком пребывали последние Романовы, — тогда Распутин станет в ряд необходимых для жизни вещей...

На этом я и позволю себе закончить роман» (*Пикуль В. Нечистая сила. М.: Воениздат, 1990. С. 590*).

Невероятный успех этой книги, в которой заодно с Распутиным развенчивается и св. Иоанн Кронштадтский, «издыхающий от умеренного потребления хересов» (с. 62), и поминается недобрым словом св. Серафим Саровский, связан, хочется верить, не с природной склонностью нашего народа к глумлению, а скорее всего, со своеобразным утешением, которое давало читателю осознание того, что он, оказывается, еще не последний человек, что даже исторические личности опускались до такого уровня свинства, которого он, читатель, еще не достиг. Греша *бесстыдно, беспробудно*, советский читатель заряжался от произведений Пикуля уверенностью в том, что он не один, а «все такие», и невинные экскурсы в воображаемые спальни знатных особ имели своим следствием даже некоторое благодушие, свойственное философам, познавшим истинную природу человека. Но беда в том, что герои романов Пикуля не воображаемые, а вполне реальные исторические лица, и если мы хотим, чтобы у нас было будущее, нам не обойтись без серьезного пересмотра своего отношения к прошлому.

Вот только что наша Церковь причислила к лику святых страстотерпцев последнего российского императора и его семью. Прославлен сонм новомучеников и исповедников российских. Но вопрос о нашей дани прошлому не закрыт. Раба Божьего Григория, бывшего, может быть, самым искренним другом царственного семейства, среди прославленных нет, хотя он тоже был православным христианином и связь его мученической кончины с исповеданием веры более очевидна, чем во множестве других случаев. Пусть так. Не все угодники Божии прославлены, и ничего страшного в этом нет. Страшно другое.

Недавно я с удивлением узнал, что в С.-Петербурге в 1994 году был зарегистрирован Православный фонд Валентина Пикуля, ставящий целью своей работы православное просветительство. Это лишний раз

заставляет задуматься о том, как мало теперь требуется в нынешней российской действительности для того, чтобы быть православным. Достаточно, к примеру, быть антисемитом. И конечно же, о том, какая нелегкая судьба ждет наше православие, под знаменем которого объединились монархисты и читатели «Нечистой силы». И опять нельзя отделаться от мысли о том, что если бы Церковь в свое время встала на защиту Распутина от клеветы, она была бы сегодня свободнее от многих враждебных ей сил, свивших гнездо под ее омофором.

В истории Григория Распутина страшно не то, что его убили. Убивать пророков, как известно, дело обычное не только у нас. Удивительно и страшно то, что этот герой если не библейского, то по крайней мере былинного склада, так и остался персонажем неприличных историй. Провидением он был поставлен в такие обстоятельства времени и места, завязан в такую узловую точку нашей истории, наделен такой невероятной судьбой и сопровождается такими знаменами, что, безотносительно к его моральному и даже духовному облику, фигура его должна внушать благоговейный трепет. И если сегодня наш Распутин известен миру по песенке Bony M: «Oh, Oh, Rasputin — lover of the Russian Queen, Russian babies love machine», то виноват в этом не западный шоу-бизнес, а наше собственное отношение к теням своих великих предков, к *отеческим гробам и родному пепелищу*, отношение, на котором зиждется, по Пушкину, *самостоянье человека* — или ничтожество его. Если самые одаренные и живоносные выразители национального религиозного гения превращаются в такое посмешище, у народа нашего воистину не остается ничего иного, как ставить рядом с Пушкиным памятники Остапу Бендеру. Первый такой памятник, поставленный в Санкт-Петербурге в год 2000-летия Христа и канонизации убиенного Императора, наводит на невеселые размышления.

После того, как Достоевский, не совсем, по-видимому, просчитав последствия, вложил в уста своего героя роковые слова народбогоносец, мы научились как безмерно не уважать себя, так и безмерно превозноситься. Но мы не научились даже самым простым вещам, какие требует от народа звание богоносца. В частности — дерзостному умению видеть в собственной истории сакральный смысл и, поднимая левую руку для побиения своих пророков камнями, поднять и правую, чтобы написать в своих летописях такую, к примеру, фразу: «Слово Господне к России, сказанное во времена царя Николая через пророка Григория...»

